

Чжоу Юньшэн был смущен и убит горем из-за хвастовства Боэля и провокационных слов.

Если бы это был обычный день, самое большее, что он сделал бы, это свернулся калачиком у ног Отца и осторожно держался за его ноги, но сейчас он бросился в его объятия и упал на колени, плача.

Водопад слез обрушился на статую, что было равносильно падению на его собственную кожу. Высокая температура заставила Бога Света наконец понять, что значит быть расстроенным, но не знать, что делать. Он напряженно сидел на месте, его темно-золотые глаза были встревожены.

Чжоу Юньшэн говорил нерегулярно, вытирая покрасневшие глаза и шмыгая носом: "Отец Бог, что тебе нравится в Боэле Бритте?"

"Он мне не нравится, на самом деле, я даже не знаю, кто он такой", - Бог Света тщательно объяснил водному зеркалу. Теперь он был очень расстроен. Его Маленький верующий был легким плаксом, но в прошлом, из-за благочестия или радости, эти слезы были очень сладкими, но теперь он впервые плакал от горя, и он действительно не знал, как утешить его.

"Его лицо не так красиво, как мое. Он не так набожен, как я. Он не так силен, как я. Я такой замечательный Отец, почему ты всегда игнорируешь меня?"

"Я смотрю на тебя каждый день, мой малыш", - Бог Света беспомощно вздохнул.

"Отец, я хочу поцеловать тебя так же нежно, как поцелуй росы. Я хочу обнять тебя, как объятие пламени, честно говоря, я хочу любить тебя больше, чем кто-либо когда-либо любил тебя, дарить тебе свою неистовую и теплую любовь. Отец, пожалуйста, ты можешь любить меня? Я не знаю, почему у меня такие неуважительные мысли. Ты - единственный Бог на континенте, все существа в мире - твои последователи, и все они имеют право на вашу любовь и привязанность".

"Но знаешь, я бы хотел, чтобы ты мог только смотреть на меня, любить только меня. Для светлого священника это такая эгоистичная идея, что епископу достаточно грешно бросить меня в огонь. Но даже если я умру, я все равно хочу быть кучкой пепла перед тобой, чтобы, когда ты ненароком пройдешь сквозь меня, я мог крепко вцепиться в твои одежды и никогда не разлучаться с тобой".

"Тебе нравится слушать, как люди поют? Я могу спеть много песен, все песни, созданные в твою честь, глубоко запечатлелись в моем сознании. Ради тебя я готов петь, пока не потеряю голос".

Мальчик выпалил всю безумную любовь, скрытую в глубине его сердца, на одном дыхании. Закончив, он наконец понял, что сказал, и быстро уткнулся красным лицом в колени статуи.

Бог Света на мгновение замер, затем с его губ сорвался беспомощный и счастливый смех. Это был единственный человек в мире, который мог тронуть его, его любимый, любимый. Как он может быть таким милым? Много раз, когда он молился статуе, ему хотелось подойти к нему и поцеловать его в розовый ротик, чтобы посмотреть, сделан ли он из сладчайшего меда и цветочного нектара.

Как только он подумал об этом, мальчик внезапно выпрямился, затем нежно и быстро поцеловал статую легким поцелуем. Поскольку он был привязан к статуе, даже если поцелуй был всего лишь мгновением ока, Бог Света все равно испытал беспрецедентный шок. Его разум

затрясся, даже его Божество начало дрожать, безумно крича: "Я хочу его!".

Чжоу Юньшэн тоже был потрясен. Он всего лишь поцеловал статую, но его сердце было наполнено ощущением прикосновения к настоящему Богу Света. Но после всего сказанного и сделанного, он осквернил своего любимого Отца, в чем была разница между этим поведением и поведением Боэля Бритта? Он быстро отступил на несколько шагов и опустил на колени перед статуей, чтобы попросить прощения.

Бог Света сейчас был в очень сложном настроении, ему хотелось схватить мальчика и неистово поцеловать его, но также поднять его и сильно отшлепать. Как он мог отступить после того, как растрогал его сердце? Это было действительно мучительно. Он уже собирался поднести свой аватар к Джошуа, когда в зеркале воды появились фигуры Папы, епископа и Боэля, так что ему пришлось остановиться.

Если бы он знал, то наложил бы запрет на дверь главного зала, чтобы, когда Джошуа молился, он мог быть с ним наедине, исключая всех остальных людей.

"Это истинный образ Отца?", - Папа поднял глаза, но быстро опустил голову и прикрыл слезящиеся глаза.

Епископ прошептал утвердительно, от начала и до конца, он не осмеливался войти в зал и посмотреть вверх.

Боэль внезапно взвигнул и напугал всех.

Чжоу Юньшэн оглянулся с отвращением в глазах и сказал: "Ты находишься внутри Храма, пожалуйста, не издавай громких звуков. Ты действительно пришел из Храма Божьего? Как ты можешь не понимать правил?!".

Глаза Боэля были закрыты, он в панике закричал: "У меня болят глаза, как будто внутри горит огонь, пожалуйста, помоги мне!".

Папа прикрыл веки ладонями и применил технику исцеляющего света. Это заставило мальчика медленно успокоиться и прижаться к Папе в объятиях, задыхаясь, явно испуганный.

"Отец не позволяет нам, смертным, смотреть прямо на его настоящий образ, слишком долгое ожидание приведет к наказанию", - епископ неторопливо объяснил. Конечно, чего он не сказал, так это того, что даже самая скромная служанка в Храме не была бы так сурово наказана за то, что посмотрела на статую.

Глаза Боэля были почти жареными, как яйца, Отец ясно выразил свое неодобрение этим сообщением. Это и есть Божья Милость? Что за шутка!

Папа кивнул и принял объяснение. Он также почувствовал жжение, поэтому подумал, что из-за того, что Боэль смотрел слишком долго, ущерб ему был больше.

Это был первый раз, когда Чжоу Юньшэн услышал, что смертные не могут смотреть прямо на статую. Он уставился на епископа и увидел, как епископ подмигнул ему, молча говоря: "Мальчик, ты здесь самый особенный".

"Неужели я самый особенный?", - он посмотрел на статую в холле, затем его рот приподнялся, он не мог не мило улыбнуться.

"Разве ты не самый любимый сын Отца? Как ты можешь даже не смотреть прямо на изображение Отца? Ты ведь не лжец, не так ли?", - у него не было привычки хвастаться своей уникальностью, но он хотел спровоцировать Боэля. Он ненавидел превосходство, которое всегда светилось в его глазах, и ненавидел его за то, что он соблазнил его Отца своим грязным телом.

Отец достоин всего самого лучшего.

Боэль был очень виноват, он ломал голову над опровержением, но Папа заговорил первым: "Если бы он был лжецом, Отец не дал бы ему такой чистый и драгоценный светлый камень. Джошуа, дитя мое, ты потерял свое смиренное сердце, это очень затруднит твоё воспитание. Ты знаешь, что Отец не любит, когда темная ревность занимает сердца его светлых священников, да?".

Чжоу Юньшэн усмехнулся: "У тебя нет последнего слова в том, что Отец любит или не любит", - пока он был жив, он никогда не позволит Отцу влюбиться в Боэля. Он не заслуживает такого благословения.

Папа был верховным правителем Церкви, даже самый могущественный Король на континенте склонился, когда увидел его, как он мог вынести, когда ему противоречил маленький священник? Если бы он был где-то в другом месте, он бы немедленно бросил легкое пламя, чтобы сжечь мальчика дотла, но он не осмеливался действовать опрометчиво на глазах у Отца.

Он спрятал ядовитую змею в своем сердце и расцвел любящей улыбкой, он беспомощно покачал головой, как будто перед ним был избалованный, но прекрасный ребенок.

Епископ своевременно напомнил: "Бог Света выше, мы должны начать молиться".

"Хорошо", - глаза Боэля стали намного лучше, но он был очень напуган. Джошуа был прав, он был лжецом, и, возможно, Отец был зол на него, поэтому он чуть не вытер глаза. Он должен получить прощение Отца.

Четверо мужчин опустились на колени на мягкий коврик и начали молиться, епископ и Чжоу Юньшэн были очень серьезны, но Папа и Боэль стояли на коленях будто на иглах. Это была не метафора, а настоящее ощущение стояния на коленях на иголках. Сначала они чувствовали только зуд, но через несколько минут им показалось, что на ковре выросли тысячи игл, каждая из которых целилась прямо в их коленные кости. Сильная боль заставляла их потеть.

Они встали и проверили, но не обнаружили вокруг себя никаких иголок, они снова опустились на колени, но боль была еще более сильной, отчего им захотелось отрезать колени.

"У этого коврика есть проблема, как будто в нем зарыты иглы", - обиженным тоном начал Боэль, он также намеренно или непреднамеренно взглянул на Джошуа. Папа сохранил свой торжественный вид, но пнул ногой коврик.

Чтобы доказать невиновность ребенка, епископ немедленно призвал людей поднять коврик, несколько раз тщательно проверив его под ним, но ничего не обнаружил. Если ему нужно было догадаться, то это, вероятно, было наказанием от Бога Света, потому что эти двое мужчин шли против Джошуа.

Папа не мог выдвигать обвинения без достаточных доказательств, и он не осмеливался затевать неприятности перед статуей Бога Света, поэтому он схватил Боэля и ушел.

Чжоу Юньшэн закончил свои молитвы на этот день, и когда луна поднялась над верхушками деревьев, его нежное и доброе выражение медленно исчезло, сменившись холодным выражением, которое медленно покраснело от гнева.

Он только знал, что молитвы фаната были очень эффективны, но он не ожидал, что ему придется участвовать в кошачьих боях, лаять гав-гав, в чем разница между ним и сукой?

Главный герой прибыл, и Джошуа сразу же начал драку, и, как оказалось, степень умственной отсталости главного героя была не меньше, чем у Джошуа. Джошуа также пытался помешать Богу Света влюбиться в главного героя, что было просто недостижимой мечтой.

Несанкционированный побег главного героя привлек внимание Бога Света. С того дня, как главный герой прибыл на континент, Бог Света использовал свое водяное зеркало, чтобы наблюдать за его поведением, и он постепенно был очарован его сильным, добрым и храбрым поведением.

Чтобы защитить его, Бог Света тихо впрыснул в его кольцо половину своей божественной силы, пока он был в смертельной опасности, божественная сила освещала весь континент и уничтожала любое зло, которое угрожало ему. Можно ли игнорировать такого рода усердную заботу? Разве благословения фаната не кажутся ничтожными по сравнению с этим?

"Ну и что с того, что ты можешь смотреть прямо на статую? Может быть, Бог Света не позволил Боэлю посмотреть, потому что он ревновал, что у него были другие любовники? Это просто игра между влюбленными, неужели ты не понимаешь? Назначь меня главным!".

Чжоу Юньшэн стоял перед зеркалом в пол, тыча пальцем в мальчика в зеркале, выражение его лица было мрачным и разочарованным. Это психологическое последствие было очень серьезным, оно превзошло его оценку. Если бы это продолжалось и дальше, неконтролируемый Чжоу Юньшэн в тот день зашел бы слишком далеко против Боэля, и они были бы вынуждены пойти по старому пути судьбы Джошуа.

Его первоначальный план состоял в том, чтобы держаться подальше от главного героя и его поклонников и путешествовать по материке, чтобы распространять Евангелие в качестве квалифицированного Жреца Света.

Но главный герой прибыл, и траектория судьбы начала вращаться, чтобы не повторять тех же ошибок, Безмозглый Шэн больше никогда не должен появляться! С завтрашнего дня ему придется отменить свои психологические подталкивания.

Чжоу Юньшэн молча предупредил себя, и сцена поцелуя фанатика со статуей проскользнула в его сознании. Он закрыл лицо руками и застонал, страстно желая выкопать яму и похоронить себя. Он и представить себе не мог, что у него будет такой ужасный день, не говоря уже о других, даже он сам не мог смотреть прямо на это.

Поскольку ему было слишком противно, он проигнорировал пульсирующее чувство, возникшее в его душе после поцелуя, приписав это естественной реакции фаната на поцелуй своего кумира.